



Воспоминанія графа Константина Константиновича Венкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года ¹⁾.

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Нередь нашими взорами разстилалась страна—словно коверъ изъ тысячи красокъ или словно географическая карта, простирающаяся отъ холмовъ *Ханъ-кале*, что передь крѣпостью *Грозной*, до низовьевъ Терека. На первомъ планѣ виднѣлись густые лѣса, покрывающіе своей темной зеленью высоты Ичкеріи и простиравшіеся вдаль, влѣво въ уже болѣе мягкихъ перегибахъ уходившіе въ богатые и прекрасныя равнины Чечни и заканчивающіеся вправо у Качкалыковскаго хребта. Цѣпь этихъ горъ, начинавшаяся у нашихъ ногъ, поворачивала къ сѣверу и дѣлила равнину на двѣ равныя части. Вправо отъ цѣпи все носило различный характеръ: лѣса внезапно прекращались у подошвы горъ, и страна представляла изъ себя нечто иное, какъ желтоватую и выжженную солнцемъ равнину, которая, уходя въ даль, сливалась съ горизонтомъ въ неопредѣленныхъ тонахъ и, наконецъ, терялась въ необозримыхъ покрытыхъ камышами пространствахъ береговъ Каспійскаго моря, а еще далѣе и въ водахъ самаго моря.

Влѣво отъ этой цѣпи горы прекращались только у р. *Сунжи*, но вправо отъ Качкалыковскаго хребта они вновь начинались у Терека и длинной лентой протягивались до *Кизляра*. По ту сторону Терека, далѣе къ сѣверу, горизонтъ представляется безгра-

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1911 г.

ничнымъ и на всемъ видимомъ пространствѣ раскидываются пустыни, служація кочевьемъ ногайцевъ.

Всѣ взоры были обращены къ этой зеленой рѣзко-ограниченной полосѣ лѣсовъ, параллельной цѣпи горъ, что были теперь позади насъ.

Всѣ сердца стремились туда съ надеждой и воспоминаніями, тамъ была Россія, то были привѣтливья казачьи станицы—*Наурская, Щедринская, Червленная*,—всѣ тѣ мѣста, къ которымъ съ такой любовью взываетъ кавказскій солдатъ каждый разъ, когда поетъ свои пѣсни по возвращеніи съ похода!! Казачьи станицы—это Эльдorado, къ которому устремляются всѣ мечты о счастьѣ и весельѣ, Эльдorado, представляющееся воображенію всѣхъ тѣхъ, кто воюетъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

Разъ кто попалъ на линію, то онъ считаетъ себя уже дома,— у себя.

Однако для многихъ изъ насъ этотъ взглядъ, брошенный на противоположный берегъ Терека, тамъ, гдѣ начинается уже родина, являлся прощаніемъ на вѣки съ Россією, которую имъ уже не суждено было болѣе видѣть.

Передъ нашими глазами, у подножія первыхъ горъ, на разстояніи, примѣрно, 10-ти верстъ находилось Дарго—большое селеніе—столица Шамиля, представлявшаяся намъ въ видѣ разбросанныхъ домиковъ. Вплоть до Дарго мѣстность отъ насъ представляла столѣтній лѣсъ, покрывающій гребни, сѣдловины и пропасти.

Непріятель сдѣлалъ большія приготовленія къ оборонѣ и воздвигъ много заваловъ, которые, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, въ видѣ укрѣпленій, перерывали дорогу, по которой намъ предстояло слѣдовать. Тѣмъ не менѣе, горцы еще не были въ значительныхъ силахъ, такъ какъ Фрейтагъ, содѣйствуя нашему движенію, особой диверсією, продвинулся къ этому времени отъ крѣп. Грозной къ Маіортупу; чеченцы бросились на защиту своей страны, которой угрожало внезапное появленіе русскаго отряда, и у насъ были на время развязаны руки для операціи противъ Дарго.

Шамиль былъ застигнутъ врасплохъ, имѣя для противодѣйствія нашему движенію не болѣе 1.000 человекъ бойцовъ.

Когда было опорожнено содержаніе котелковъ, и прошли четыре часа отдыха, графъ Воронцовъ подалъ сигналъ къ атакѣ лѣса. Куринцамъ, дѣтямъ Чечни, какъ это и подобало, выпала честь открытія дѣла. Въ боевомъ порядкѣ прошли мы передъ главнокомандующимъ съ любимой пѣснью Куринцевъ: „Шамиль вздумалъ бунтоваться“, при чемъ всѣ подхватывали хоромъ: „Куринскій

полкъ, ура!“. Бѣглымъ шагомъ спустились мы затѣмъ съ горы. Когда мы очутились внизу, на небольшой полянѣ, полковникъ *Меллеръ-Закомельскій* (командиръ Куринскаго полка) повелъ Куринцевъ по дорогѣ, сворачивавшей здѣсь влѣво, съ цѣлью выбить горцевъ изъ перваго завала, построеннаго у входа въ лѣсъ.

Я развернулъ свой баталіонъ вправо отъ дороги и прямо направился для занятія опушки лѣса, которымъ рѣшено было овладѣть. Быстро и проворно, выдержавъ лишь одинъ залпъ, ударили мы бѣглымъ шагомъ на заваль, и противникъ мгновенно его очистилъ; мы потеряли лишь офицера и 4-хъ нижнихъ чиновъ.

Для отряда это была еще только прелюдія трудностей этого дня, для моего баталіона—окончаніе его участія въ дѣлѣ этого дня, и на остатокъ дня мы оставались только зрителями. Такимъ образомъ, часто бываетъ, что все происходитъ противно принятымъ первоначально предположеніямъ, такъ и въ настоящемъ случаѣ, когда намъ предстояло наибольшее участіе въ дѣлѣ.

Едва только заняли мы участокъ, съ котораго начинался разбѣгъ штурмовыхъ колоннъ, какъ атака началась. Во главѣ шелъ 1-й баталіонъ Литовскаго Егерскаго полка, утратившаго свое знамя въ польской кампаніи и долженствовавшего здѣсь и теперь себя реабилитировать; за нимъ слѣдовали двѣ роты 3-го баталіона Куринцевъ, которые должны были поддерживать его (морально) и внушать ему необходимое для возстановленія своей утраченной чести мужество.

Литовцы молодцами смыли свое безчестіе, и едва только четвертая часть ихъ уцѣлѣла за эту экспедицію, но—позоръ былъ смытъ, и новое знамя, добытое цѣною пролитой ими въ Ичкеріи крови, было имъ вручено взамѣнъ утраченнаго ими при Воврѣ¹⁾.

Близко за Литовцами слѣдовали саперы, за ними грузинская дружина, бросившаяся на завалы вслѣдъ за Литовцами.

Но проворнѣе всѣхъ оказалась молодежь главной квартиры, которая, въ своей жаждѣ славы и успѣховъ и счастливая воспользоваться случаемъ, стала въ головѣ колоннъ, и здѣсь мы увидѣли нѣчто совершенно небывалое—группа молодыхъ офицеровъ, благодаря только одной стремительности и храбрости, одна беретъ подрядъ три ряда заваловъ.

Не устоявъ противъ подобнаго порыва, непріятель отошелъ и уступилъ намъ спускъ въ лѣсъ, но мы понесли здѣсь довольно

¹⁾ Здѣсь, во главѣ литовцевъ былъ раненъ князь Алек. Мих. Дундуковъ-Корсаковъ, подполковникъ ген. шт. Левиссонъ и др.

тяжелыя потери¹⁾ и въ числѣ таковыхъ наиболѣе чувствительна была потеря генеральнаго штаба подполковника Левиссона, выдающагося офицера, финляндца по происхожденію.

Противъ сейчасъ занятаго нами склона былъ другой, на который слѣдовало взбираться, а такъ какъ онъ тоже опоясанъ укрѣпленіями, то приходилось и его брать штыками. Оба ската горы соединялись узкимъ перешейкомъ, по обѣ стороны котораго росъ густой вѣковой лѣсъ.

Нашъ авангардъ прошелъ перешейкомъ и блистательно исполнилъ свою задачу, занявъ противоположный скатъ и преслѣдуя противника по пятамъ. Графъ Воронцовъ лично слѣдилъ вблизи за успѣхомъ дѣйствія авангарда, не имѣя другого прикрытія, кромѣ своего штаба, и будучи увѣренъ, что мы уже полные хозяева этого занятаго участка. Никакихъ войскъ въ распоряженіи графа Воронцова не было. По узкой дорогѣ, заваленной стволами громаднхъ деревьевъ, проходить можно было только по одному, и нечего было и думать о движеніи сколько-нибудь сомкнутымъ строемъ, а потому пока и оставалось слѣдовать впередъ только этимъ способомъ.

Лишь только главнокомандующій съ своей свитой вступилъ на этотъ перешеекъ, бывшій внѣ поля зрѣнія и вообще внѣ сферы дѣйствія авангарда, уже значительно усилившагося отъ главныхъ силъ, все еще находившихся на верху первой высоты²⁾, какъ онъ и его свита были встрѣчены градомъ пуль; противникъ оказался между нимъ и авангардомъ. Лошадь графа была ранена, и самъ онъ долженъ былъ обнажить свою шашку; присутствіе его сохранило порядокъ, и чины свиты, тѣсняясь около него, на перебой старались каждый прикрыть его своимъ тѣломъ.

Привели горное орудіе, дабы обстрѣлять занятую противникомъ часть лѣса.

Едва только стало орудіе, какъ оно было подбито, и вся прислуга его выведена изъ строя убитыми и ранеными. Саперы также ничего не могли сдѣлать, и только грузинская милиція первая освободила главнокомандующаго и заставила противника отступить. Съ этого времени дорога была очищена.

Какъ разъ въ эту минуту я прибылъ сюда съ двумя ротами моего баталіона, такъ какъ, услыхавъ усиленную пальбу, мы не

¹⁾ Кромѣ убитаго Левиссона, здѣсь ранены: полковникъ *Семеновъ*, маіоръ *Степановъ*, поручики—кн. *Дундуковъ-Корсаковъ* и баронъ *Врангель* и юнкеръ *Мельниковъ* тяжело (товарищъ кн. Дундукова по университету), умеръ на походѣ.

²⁾ То есть значительно позади.

знали въ чемъ дѣло, а генераль Клюки-фонъ Клюгенау спустиль насъ сюда съ горы. Графъ Воронцовъ приказаль мнѣ замѣстить Грузинъ и оставаться здѣсь до подхода арріергарда, возложивъ на меня личную отвѣтственность обезпеченія прохожденія здѣсь обозовъ и войскъ всей колонны.

Я оставался здѣсь до наступленія ночи, и только тогда показался наконецъ *Лабынцевъ* съ послѣдними войсками, составлявшими арріергадъ.

Обозъ проходилъ цѣлыхъ шесть часовъ и было очень трудно поддерживать порядокъ; всѣ торопились, всѣ стремились впередъ и кричали и командовали, и никто не хотѣлъ слушаться; никогда еще мое терпѣніе не подвергалось болѣе тяжелому испытанію. Наконецъ, подняли и насъ, мы послѣдовали общему движенію и, двигаясь всю ночь, исполняли докучливыя обязанности, обыкновенно выпадающія на послѣднія двигающіяся войска: на каждомъ шагу приходилось подбирать отсталыхъ, хоронить брошенныя тѣла, вытаскивать несчастныхъ застрявшихъ лошадей и облегчать движеніе излишне перегруженныхъ.

Только 4 часа спустя по восходѣ солнца прибыли мы въ Дарго, еще съ вечера занятое нашими войсками. Этотъ день стоилъ намъ 200 человѣкъ потери.

Противникъ оказалъ особое сопротивленіе нашему авангарду, оказавшему чудеса мужества подъ начальствомъ храбраго генерала *Бѣлявскаго*, взявшаго семь заваловъ.

Дарго было объято пламенемъ, и всѣ созданныя Шамилемъ зданія были уничтожены.

Нашъ лагерь былъ разбитъ на высотахъ, командующихъ равниной, на которой еще дымились развалины городка.

На слѣдующій день графъ, окруженный выстроенными покоемъ войсками, слушалъ панихиду по павшимъ въ бояхъ наканунѣ и по тѣмъ несчастнымъ русскимъ плѣннымъ, которые, въ числѣ 20 человѣкъ, были здѣсь звѣрски замучены по приказанію Шамиля¹⁾.

Мѣсто нахождения прежняго Дарго принадлежало теперь намъ, въ чемъ и заключался единственный результатъ нашей побѣды. Въ этой странѣ не существуетъ такого центрального пункта, занятіе котораго рѣшило бы ея завоеваніе. Кавказскія племена лишь въ весьма ничтожной степени находятся въ зависимости другъ отъ друга и въ политическомъ и въ матеріальномъ отношеніи. Въ настоящее время ихъ связываетъ только власть Шамиля, и его авто-

¹⁾ Плѣнныхъ было больше, ибо погубло здѣсь 16 человѣкъ однихъ офицеровъ и 21 чел. нижн. чиновъ (Кавк. Сборн. томъ VI, стр. 418).

ритеть господствуетъ только тамъ, гдѣ онъ находится лично, не привязываясь, однако, къ одному мѣсту, болѣе чѣмъ къ другому.

Такъ и здѣсь, какъ и всюду въ нашихъ войнахъ на Кавказѣ, мы хозяева только на мѣстяхъ расположенія нашихъ войскъ бивакомъ, и все то, что было внѣ черты нашихъ лагерей и внѣ сферы дѣйствія нашихъ охраняющихъ частей, принадлежало уже не-пріятелю.

Въ Дарго онъ насъ окружалъ, какъ бы блокировалъ со всѣхъ сторонъ и, чтобы выйти изъ нашихъ оборонительныхъ линій и выбить не-пріятеля, нужно было пролить кровь и чтобы вернуться, очистивъ временно занятую мѣстность,—то же самое. Въ такомъ обыкновенно положеніи будетъ армія, воюющая не съ подобной же арміею, а съ цѣлымъ вооруженнымъ народомъ, способнымъ и обороняться и, одновременно, и наступать.

Наше сообщеніе съ нашими тыльными эшелонами стало весьма труднымъ. Къ югу отъ насъ Даргинскій лѣсъ, пройденный нами 6-го, представилъ страшную преграду, а къ сѣверу лѣсистыя ущелья Ичкеріи отдѣляли насъ отъ равнинъ Чечни и Кумыковъ. Трудность нашего положенія увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что населеніе, съ которымъ мы имѣли дѣло, было однимъ изъ самыхъ воинственныхъ, оно было, такъ сказать, взрощено и воспитано вѣчными войнами, что оно было поднято и возбуждено противъ насъ страхомъ и фанатизмомъ во имя религіи пророка и именно тѣмъ, кого теперь всѣ они признали его избранникомъ и его посланнымъ.

Въ день занятія Дарго силы Шамиля были слабѣе нашихъ, но уже на другой день вся Чечня и весь Дагестанъ ¹⁾ собрались вокругъ него, и теперь многочисленный противникъ, словно громадный муравейникъ, окружалъ насъ со всѣхъ сторонъ. Горцевъ собралось несомнѣнно не менѣе 30.000 человекъ. 7-го іюля графъ Воронцовъ приказалъ генералу Лабынцеву занять командуемую нами позицію у Белгатая (на лѣвомъ берегу р. Аксай), откуда Шамиль, пользуясь командованіемъ, обстрѣливалъ нашъ лагерь; горцы дрались съ большимъ упорствомъ, и мы потеряли 200 человекъ ²⁾.

Дни 8-го и 9-го прошли въ незначительныхъ перестрѣлкахъ, завязывавшихся каждый разъ, когда наши фуражировочные отряды

¹⁾ Здѣсь Бенкендорфъ сильно преувеличиваетъ, забывая, что одновременно шли еще двѣ экспедиціи: Самурскаго отряда кн. Аргутинскаго въ Ю. Дагестанъ и г.-л. Шварца на Лезгинской кордонной линіи, и обѣ экспедиціи оттянули значительныя силы Шамиля.

²⁾ Этотъ захватъ „на время“ позиціи у Белгатая, по своей совершенной безцѣльности, сильно осуждался въ отрядѣ опытными кавказцами, а въ

спускались на равнину, отдѣлявшую насъ съ одной стороны отъ непріятели. Что касается до нашего лагеря, то мѣсто для него было выбрано настолько удачно, что непріятели не могъ насъ здѣсь беспокоить.

Наши продовольственные запасы приходили между тѣмъ къ концу, и мы надѣялись пополнить ихъ 9-го іюля. Колонна, слѣдовавшая изъ Чиркея, должна была доставить большой транспортъ и остановиться на вершинѣ той высоты, которую отрядъ нашъ занималъ 6-го, во время привала, передъ прохожденіемъ Даргинскаго лѣса.

Выстрѣлъ изъ орудія долженъ былъ извѣстить насъ о прибытіи транспорта, и по этому сигналу долженъ былъ собраться сводный изъ разныхъ частей отрядъ подъ общимъ начальствомъ генерала Клюки-фонъ-Клюгенау и, пройдя черезъ лѣсъ навстрѣчу транспорту, доставить предназначенный отряду провіантъ, частью на людяхъ, частью на вьюкахъ. Я былъ назначенъ вести три роты Куринцевъ¹⁾.

Участіе въ столь опасной экспедиціи было плохимъ ручательствомъ въ долговѣчности жизни. *Всѣ это сознавали, а тѣмъ болѣе мы, издавна знакомые съ лѣсной войной: въ этомъ отношеніи кажется никто не заблуждался*²⁾.

Во всемъ отрядѣ нашелся только одинъ добровольный участникъ этой, такъ прозванной солдатами, „сухарной оказіи“, хотя онъ и отлично понималъ всю ея опасность, ибо былъ въ злополучной экспедиціи въ Ичкеріи въ 1842 году, а потому зналъ, что это за противникъ чеченцы, укрытые въ своихъ лѣсныхъ тущобахъ. Этимъ добровольцемъ былъ храбрый капитанъ *Беклемишевъ*,— *адъютантъ О. И. графа Паскевича*³⁾.

войскахъ вызвалъ, по свидѣтельству участника *Нечаева* (адъютанта Воронцова), *недовѣріе къ начальству, что болѣе всего способствовало упадку духа въ войскахъ*⁴⁾. Особенно осуждали это безцѣльное дѣло Лабынцевъ и Пассекъ.

1) Поразительно, съ какимъ легкомысліемъ была задумана и исполнена эта операція доставки сухарей въ лагерь, и эта кровавая сухарная оказія останется навсегда тяжелымъ упрекомъ на памяти графа Воронцова, совершившаго здѣсь цѣлый рядъ ошибокъ и несообразностей. Во-первыхъ, не слѣдовало идти въ Дарго, не обезпечивъ отрядъ совершенно, а уже если, будучи въ Дарго, продолжать базироваться на Дагестанъ, то какъ можно было не занять и не создать въ Даргинскомъ лѣсу опорныхъ пунктовъ, что было такъ возможно при обиліи лѣса.

2) Самая „оказія“ не была обезпечена, начиная съ выбора начальникомъ отряда Клюки-фонъ-Клюгенау, совершенно неопытнаго въ лѣсной войнѣ, а потомъ предварительно слѣдовало произвести развѣдку приготовленій противника и заблаговременно обезпечить слѣдованіе обоза за сухарями; вообще, все дѣлалось какъ-то торопливо и неискусно.

3) Беклемишевъ, сравнительно, недавно и умеръ и часть его воспоминаній поступила въ сборникъ Щукина. У Беклемишева было интересное

Къ счастью онъ вернулся обратно, блистательно откомандовавъ баталіономъ Люблинскаго полка, а впослѣдствіи закончилъ эту экспедицію командованіемъ баталіономъ Кабардинцевъ. Въ настоящее время онъ полковникъ и все еще на Кавказѣ, гдѣ на счету выдающагося офицера, подающаго большія надежды.

Лѣсъ, который предстояло пройти, тянулся на 10 верстъ и на всемъ этомъ протяженіи былъ пересѣченъ крутыми спусками и подъемами, глубокими оврагами, топкими мѣстами, завалами и новыми, вновь возведенными и сильно занятыми противникомъ укрѣпленіями. Съ однимъ баталіономъ хорошихъ войскъ можно навѣрняка задержать здѣсь цѣлую армію, совершенно парализуя всѣ ея усилія, настолько трудно развернуться въ этой крайне неблагоприятной для дѣйствія регулярныхъ войскъ мѣстности. Горцы отлично знаютъ этотъ родъ войны и обнаруживаютъ здѣсь много смѣлости. Не говоря уже о численномъ превосходствѣ, горцы имѣли надъ нами еще и преимущество активности дѣйствій противъ прикрытія транспорта, который въ подобныхъ условіяхъ естественно долженъ былъ растянуться до безконечности.

Въ ночь съ 9-го на 10-ое въ отрядѣ ждали условной сигнальной ракеты.

Сознаюсь откровенно, что вечеромъ 9-го я думалъ, что въ послѣдній разъ въ жизни пожимаю руки моимъ друзьямъ.

Я не хотѣлъ брать на себя отвѣтственность лично назначить роты для участія въ этой оказіи¹⁾ и предложилъ ротнымъ командирамъ, предоставивъ это судьбѣ, метать жребій; „орелъ“ или „рѣшетка“—рѣшало судьбу.

Метаніе жребія происходило передъ фронтомъ, на глазахъ у всѣхъ, и въ эти минуты ожиданія и тревоги царило глубокое молчаніе, ибо Куринцы, какъ офицеры, такъ и солдаты знали — что ихъ ожидаетъ впереди. *Пассьеть* былъ однимъ изъ тѣхъ, на кого выпалъ жребій. Когда, для подтвержденія рѣшенія судьбы, я громко произнесъ приказаніе, *Пассьеть*, спокойно держа подъ козырекъ, произнесъ обычное: „слушаюсь“, а затѣмъ въ полголоса, такъ, что только я могъ слышать, сказалъ: „это мой смертный приговоръ!“ И онъ не ошибся!

На войнѣ бывають такія торжественныя минуты, когда душа

собраніе акварелей по Кавказской войнѣ, заключавшее цѣлый альбомъ, тамъ были рисунки и Дарго,—единственное изображеніе съ природы расположенія лагеря, съ видомъ горящаго сел. Дарго. *Б. Кол—ъ.*

¹⁾ Оказіями назывались на Кавказѣ обыкновенно слѣдованія различнаго рода транспортовъ въ сферѣ дѣйствія противника, а потому и подъ прикрытіемъ войскъ, а также и регулярныя сообщенія между крѣпостями.

воспринимаетъ извѣстныя неизгладимыя впечатлѣнія и когда чувствуешь будущее.

Только война обнаруживаетъ нѣкоторыя особыя и высшія добродѣтели, которыя глубоко насъ трогаютъ. Въ солдатѣ, втянутомъ во всѣ служебныя требованія, я болѣе всего цѣню пассивное послушаніе и покорность, качества, къ выработкѣ которыхъ направлено все наше военное устройство (организація, іерархія, воспитаніе и т. п.), качества, которыхъ никто не превозноситъ, но изъ которыхъ между тѣмъ и вытекаетъ и преданность, и самоотверженіе. И за все это воздастся намъ тамъ наверху, гдѣ царство справедливости, и тамъ не будетъ забыто, что достаточно намъ только получить приказаніе — „умереть“, какъ мы идемъ на смерть, даже и не спрашивая — „зачѣмъ“?

Я легъ отдохнуть, не раздѣваясь, дабы быть готовымъ къ выстуplenію по первому сигналу, но сигнальной ракеты не было и за часъ до восхода солнца, вмѣсто первоначальнаго порученія, мнѣ приказано, принявъ въ командованіе 2 баталіона и 2 орудія, занять селеніе, бывшее въ 3-хъ верстахъ отъ лагеря.

Было извѣстно, что въ селеніи имѣлся фуражъ, который я долженъ былъ захватить и доставить въ лагерь, для чего мнѣ были приданы всѣ оставшіяся лошади отряда. Въ теченіе же дня я долженъ былъ прикрывать табунъ. Я едва успѣлъ попрощаться съ бѣднымъ *Пассьетомъ*, котораго я больше уже не увидѣлъ ¹⁾.

При входѣ въ селеніе у насъ было завязалась довольно горячая перестрѣлка, во время которой *Колубакинъ*, бывшій съ своей ротой въ цѣпи и верхомъ, былъ раненъ пулей въ грудь, къ счастью, не особенно серьезно, и черезъ день онъ уже вернулся въ строй. Затѣмъ, у меня уже по всей линіи стало тише, такъ какъ противникъ былъ занятъ въ другомъ мѣстѣ.

Сигнальная ракета была пущена, и войска нашей „сухарной оказіи“ вошли въ лѣсъ, прошли его, провели ночь на высотѣ и вернулись обратно 11-го.

Но это были только жалкіе остатки! Они мужественно пробились сквозь тысячи непріятелей и сквозь груды тѣлъ. Никакія распоряженія, ни общія, ни частныя, не были примѣнимы въ этой убійственной мѣстности: укрываясь деревьями, завалами, укрѣпленіями, горцы стрѣляли съ удобствами, не торопясь, и били на выборъ нашихъ солдатъ, охранявшихъ и оборонявшихъ транспортъ

¹⁾ Доблестный *Пассьетъ* былъ раненъ, но лишенный ухода и леченія умеръ отъ гангрены уже по прибытіи въ Герзель-ауль.

и остававшихся беззащитными. Потери были громадныя, но, по крайней мѣрѣ, одинаковыя для обѣихъ сторонъ; горцы были изумлены. Для насъ потери эти, сравнительно, были ощутительнѣе: противникъ былъ у себя, его силы удваивались каждый день, между тѣмъ какъ ряды нашихъ бойцовъ порѣдѣли, и только непомерно увеличивалось число раненыхъ, многочисленность которыхъ не переставала создавать намъ новыя затрудненія ¹⁾.

Только графъ Воронцовъ могъ справиться съ задачей командованія въ столь критическія минуты ²⁾.

Эта кровавая экспедиція дней 10-го и 11-го, названная солдатами „сухарной оказією“ или „сухарницей“, имя, которое ей и осталось навѣки, была богата подвигами героизма, самоотверженія и мужества. Многіе изъ этихъ подвиговъ, какъ, на примѣръ, — прохожденіе лѣса однимъ молодымъ солдатомъ сквозь тысячи смертей, подробности смерти *Пассета* и стараго кавказца и героя полковника *Ранжевскаго* были воспѣты солдатскими стихами; между солдатами немало такихъ стихотворцевъ, воспѣвающихъ на всѣ лады тѣ дѣла, въ которыхъ они участники.

Многіе эпизоды этого достопамятнаго боя были описаны въ нашихъ реляціяхъ, передавались изъ устъ въ уста по всему Кавказу и долго еще служили темами безконечныхъ бесѣдъ зимой, у огонька въ маленькихъ бѣленькихъ домикахъ полковыхъ штаб-квартиръ.

Одинъ изъ этихъ эпизодовъ, пользующійся меньшей извѣстностью, относится къ грустному событію, о которомъ тяжело вспомнить, но, будучи менѣе щепетивенъ, я не боюсь помѣстить этотъ

¹⁾ Въ дни 10-го и 11-го въ этой сухарной оказіи мы потеряли: убитыми: 2-хъ генераловъ (*Викторова* и *Пассека*), 3-хъ шт.-офиц., 14 об.-офиц. и 446 н. чин.; ранеными, преимущественно тяжело и по нѣсколько разъ: оберъ-офицеровъ 34 и нижн. чиновъ 715; контуженными: об.-офиц. 4 и нижн. чиновъ 84; и 122 чел. ниж. чин. безъ вѣсти пропавшихъ.

Насколько несообразно были велики потери, видно изъ сравненія силъ отряда 6-го іюля, передъ движеніемъ въ Дарго (350 шт. и об.-офиц., 850 унт.-оф. и 8.825 н. ч.) и 13-го іюля при выступленіи въ Герзель-ауль (248 шт. и об.-офиц., 627 унт.-офиц. и 5.230 н. ч.), когда однихъ больныхъ и раненыхъ при обоѣхъ было: офицеровъ 57 и 1.254 чел. ниж. чиновъ.

²⁾ Графъ Воронцовъ показалъ здѣсь большое величіе духа и удивительную выдержку, что, конечно, много способствовало спасенію отряда, „хотя все-таки успѣхъ этого спасенія заключался въ доблести и искусствѣ кавказскихъ войскъ вообще и ихъ начальниковъ въ частности, не говоря уже о заслугахъ въ эти дни движенія въ Герзель-ауль незабвенныхъ *Лабунцева* и *Козловскаго*, особенно перваго.

эпизодъ въ моихъ мемуарахъ, предназначенныхъ остаться извѣстными лишь тѣсному кругу моихъ самыхъ близкихъ друзей ¹⁾).

Двѣ роты и горное орудіе колонны Клюгенау, отражая толпы непріятеля, сдѣлали все то, что честь и долгъ отъ нихъ требовали, но разстроенныя огнемъ, истощивъ всѣ усилія, подались и разсѣялись.

Орудіе было оставлено, лошади убиты, вывести орудіе стало невысказано, прислуга еле держалась и приготовилась къ послѣднему отпору непріятельскихъ скопищъ, которые, покончивъ съ пѣхотой, бросились теперь на орудіе. Командовавшій орудіемъ молодой 22-хъ лѣтній юнкеръ *Баумгартенъ*, видя невозможность спасти орудіе, закричалъ прислугѣ: „спасайтесь и присоединяйтесь къ своимъ, а мнѣ все равно, мое мѣсто здѣсь“, бросился затѣмъ къ орудію, обхватилъ его руками и закрылъ своимъ тѣломъ; горцы шашками и кинжалами рубили его на части.

Я зналъ лично Баумгартена и предугадывалъ, что онъ всегда выйдетъ съ честью изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, я былъ очень къ нему расположенъ и очень былъ огорченъ его смертью, подробности которой узналъ много времени спустя по окончаніи экспедиціи.

Намъ досталось очень мало продовольствія, а оставаться дольше въ Дарго стало невозможно и необходимо было подумать, какъ пробиться на линію нашихъ укрѣпленій. Путь нашего движенія еще не былъ опредѣленъ. Графъ Воронцовъ рѣшилъ идти на Герзель-Аулъ. Это направленіе и было предрѣшено планомъ кампаніи, составленнымъ въ Петербургѣ, и говорили, что эта дорога лучше той, которая ведетъ на Маіортуцъ, потому что на ней всюду можно было имѣть воду.

Пуркей, уроженецъ Ауха, житель Андреева, взялся быть нашимъ проводникомъ. Честь и слава ему, что онъ честно послужилъ намъ въ этомъ случаѣ: вѣрность далеко не всегда составляетъ преобладающую добродѣтель горцевъ.

¹⁾ Вскорѣ по смерти автора мемуары были напечатаны на французскомъ языкѣ, а разъ эти мемуары вышли въ печати, то уже завѣщаніе Бенкендорфа не могло быть исполнено. 60 лѣтъ спустя, пора вынуть ихъ изъ подъ снуда, сдѣлавъ доступными массѣ, такъ какъ они имѣютъ цѣнность для исторіи и не только съ точки зрѣнія изслѣдованія одной экспедиціи 1845-го года.

Сухарная экспедиція произвела тяжелое впечатлѣніе. Воображеніе молодыхъ людей, не побывавшихъ еще на подобныхъ празднествахъ, было полно дьявольскими и дикими образами чеченцевъ, какъ призраки кружившимися передъ ихъ глазами. Опытъ бывалыхъ людей ничуть не успокаивалъ ихъ на счетъ ожидавшей ихъ участи въ предстоявшемъ маршѣ. Лучшие люди замыкались въ стоическое спокойствіе, составлявшее обычное ихъ состояніе въ счастіи, какъ и въ несчастьи, то спокойствіе, которое является результатомъ ихъ испытанной храбрости, ихъ традиціи славы и ихъ постоянства въ исполненіи долга.

Чтобы уменьшить нашъ громаднѣйшій обозъ, затрудняющій наше движеніе, и чтобы отвести подъ настоящихъ и будущихъ раненыхъ возможно большее число лошадей, мы сожгли какое возможно было имущество, палатки разодрали по полотнищамъ, и каждый солдатъ взялъ достаточное количество полотна для перевязки ранъ, могущихъ имъ быть полученными.

Вечеромъ 12-го я бродилъ между группами лицъ, собравшихся у расцвѣченныхъ флагами палатокъ главной квартиры; говорили только вполголоса, у многихъ лица вытянулись и не трудно было замѣтить, что здѣсь больше людей не воинственныхъ, больше военныхъ безъ призванія, чѣмъ у бивуачныхъ костровъ. Большая была разница между серьезной, но холодной и гордой выдержкой нашихъ кавказскихъ войскъ и тѣми разговорами, которые велись у палатокъ главной квартиры! Сколько разъ въ этотъ день мнѣ приходили на память прекрасные стихи Шиллера:

In Felde da ist der Mann noch was werth,
Da wird ihm das Herz noch gewogen,
Da tritt kein anderer für ihn ein,
Auch sich selber steht er ganz allein!

Я пошелъ засвидѣтельствовать свое почтеніе графу Воронцову. Я имѣлъ право входить въ его палатку во всякое время. Я хотѣлъ ему сказать, что мы надѣялись, что онъ вспомнитъ Куринцевъ, что время наступило, когда мы осмѣливались просить его не остаться намъ забытыми.

Графъ въ это время что-то диктовалъ. Онъ смѣрилъ меня своимъ пронизательнымъ взглядомъ и улыбнулся мнѣ той улыбкой, которая никогда его не оставляла и которая, казалось, говорила: „неужели васъ все это удивляетъ? я не то еще видалъ въ теченіе моей продолжительной службы“. Я устыдился своего рвенія и не зналъ, какъ уйти незамѣченнымъ.

Графъ пришелъ мнѣ на помощь, протянулъ мнѣ руку, сердечно расцѣловалъ меня, благодарилъ меня, поручилъ мнѣ передать его

слова войскамъ и ласково прибавилъ, что во всѣхъ случаяхъ онъ зналъ, что можетъ на меня положиться. Я уже собирался уйти, но графъ, какъ бы боясь, что слишкомъ много сказалъ, снова позвалъ меня: „Кстати, Бенкендорфъ, прежде чѣмъ съ вами разстаться, я долженъ вамъ сказать, что только что получилъ письмо отъ жены. Онъ вамъ шлетъ привѣтъ; она очень довольна домомъ, который занимаетъ въ Кисловодскѣ, особенно прелестна гостиная, только погода не благопріятна: дождь льетъ каждый день; я очень объ этомъ сожалею“.

Въ этотъ вечеръ мы роскошно поужинали остатками нашихъ запасовъ и вслѣдъ за другими принялись уничтожать свое имущество.

Я самъ сжегъ свои эполеты и аксельбанты съ вензелями Государя, чтобы быть увѣреннымъ, что они не попадутъ въ руки непріятеля; свою гербовую печать я передалъ барону Николаю, такъ какъ канцелярія и дѣла самого графа Воронцова, понятно, имѣли больше правъ на сбереженіе и сохраненіе. Затѣмъ я положилъ въ карманъ 4 плитки сухого бульона, а мои слуги оставили, кромѣ того, кастрюлю и рисъ; вотъ и всѣ наши запасы на 8 дней марша.

Мы высчитали, что намъ потребуется восемь дней, чтобы пройти 40 верстъ. Это одно даетъ понятіе, какую трудность представляли мѣстность и дороги, по которымъ намъ нужно было двигаться.

Наше выступленіе изъ Дарго состоялось при мрачномъ молчаніи войскъ.

Было необходимо обмануть непріятеля направленіемъ нашего движенія, въ чемъ мы хорошо успѣли и настолько, что выиграли цѣлый переходъ, не будучи атакованы. Для насъ это былъ большой успѣхъ, такъ какъ, достигнувъ бивуака въ окрестностяхъ Цонтери, мы оставили за собой два глубокихъ оврага, прохожденіе которыхъ насъ бы сильно затруднило и повело бы къ значительнымъ потерямъ. Генералъ Лабынцевъ командовалъ аррьергардомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ баталіоновъ Кабардинскаго полка. Онъ былъ великолѣпенъ въ своемъ отступленіи, произведенномъ подъ выстрѣлами въ упоръ непріятеля и на виду всего отряда. Это отступленіе было удивительно по тому порядку и увѣренности, которые онъ умѣлъ сообщать войскамъ своего отряда и вообще внушать своимъ подчиненнымъ. Ему принадлежитъ всецѣло слава этого дня и всеобщее одобреніе. Потеря въ людяхъ у него была ничтожная.

Утро 14-го было туманное. Мы провели ночь на высотѣ, откуда дорога раздѣляется; одна идетъ влѣво на Маіортупъ, другая, вправо, параллельно долини Аксая—на Герзель-Ауль, куда намъ предстояло слѣдовать.

Такъ же, какъ и наканунѣ, непріятель все еще находился въ неизвѣстности принимаемаго направленія, что намъ было выгодно, такъ какъ непріятель не могъ заблаговременно приготовиться къ оборонѣ.

Съ восходомъ солнца мы покинули нашъ бивакъ и направились по лѣсистому плато. Я огибалъ опушку лѣса слѣва, нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія.

Непріятель перестрѣливался только съ авангардомъ. Одна изъ первыхъ пуль пробила колѣно полковника *графа Стенбока*. Рана эта, на которую сначала никто не обратилъ вниманія, впоследствии потребовала ампутаціи ноги и тѣмъ лишила Кавказскую армію талантливаго, храбраго и достойнаго офицера.

Не успѣли мы сдѣлать и пяти верстъ, какъ, повернувъ налѣво, очутились у входа въ деревню Гурдали, которую непріятель только что зажегъ. Тамъ кончалось высокое плато. Дорога спускалась крутыми склонами въ узкую долину, образуемую небольшимъ ручьемъ. На противоположномъ берегу долины подымалась цѣпь лѣсистыхъ возвышенностей, вышины около 300 футовъ. Шамиль занималъ ихъ всѣми своими силами и преграждалъ намъ здѣсь дорогу.

Минута была рѣшительная,—необходимо было пробиться. Мы всѣ были въ ожиданіи. Я со своими егерями занималъ кукурузное поле, покрытое высокой травой, изъ-за которой насъ совсѣмъ не было видно; вдругъ я услышалъ свое имя, послѣшно произнесенное нѣсколькими голосами заразъ. То были адъютанты, которыхъ графъ Воронцовъ прислалъ ко мнѣ. Главнокомандующій меня требовалъ къ себѣ! „Бенкендорфъ, видите, я васъ не забываю: возьмите Карталинскую милицію и все, что будетъ возможно изъ вашего баталіона, не обнажая лѣвой цѣпи. Авангардъ спустится въ долину и пойдетъ по дорогѣ, которая сворачиваетъ направо. Вы спуститесь вмѣстѣ съ нимъ и атакуете высоты, стараясь держаться правѣе, чтобы выйти во флангъ непріятельскимъ партіямъ. Вамъ нужно ихъ захватить и на нихъ удержаться“.

Приказаніе отдано было точно, исполненіе—трудно, успѣхъ—сомнителенъ.

Льщу себя надеждой, что изъ тѣхъ, кто помнитъ эту минуту отдачи мнѣ графомъ Воронцовымъ этого приказанія, никто меня въ этомъ не опровергнетъ.

Не успѣлъ я получить это приказаніе, какъ войска авангарда,

руководимаго генераломъ Бѣлявскимъ, огласили воздухъ знакомыми звуками движенія въ атаку. Я поспѣшилъ догнать его съ двумя первыми ротами моего баталіона, имѣвшими не болѣе 200 штыковъ, и съ Грузинской милиціею, имѣвшей столько же людей.

Чтобы избѣжать огня, отовсюду вырывавшагося изъ горѣвшаго селенія, мы пробѣжали его бѣгомъ, спустились въ оврагъ, перешли въ бродъ ручей и затѣмъ перешли лощину, шириною въ 200 шаговъ. Достигнувъ входа въ лѣсъ, у подножія атакуемыхъ мною возвышенностей я приказалъ пріостановиться для приведенія колонны въ порядокъ и для построенія. Здѣсь мы раздѣлились на двѣ части: полковникъ *Меллеръ - Закомельскій*, командовавшій всей цѣпью, взялся вести лѣвую часть, а я—правую; насъ раздѣлялъ оврагъ.

Я всегда имѣлъ счастье видѣть, что войска, которыя я велъ въ бою, всегда весело шли въ огонь; они считали меня удачникомъ, чтò придавало имъ особую увѣренность. Въ настоящемъ случаѣ они хорошо высматривали, но не трудно было убѣдиться, что они шли въ бой не съ легкимъ сердцемъ. На мое обращеніе къ нимъ, они отвѣтили мнѣ хорошимъ „ура!“, но въ этомъ „ура!“ не чувствовалось увѣренности въ побѣдѣ.

Вступая въ подобный темный лѣсъ, солдатъ вынужденъ рассчитывать только на собственное мужество, онъ долженъ пробивать себѣ дорогу черезъ сваленныя деревья и сквозь густую чащу, за которыми онъ ежеминутно рискуетъ наткнуться на западню; вообще здѣсь онъ предоставленъ исключительно только своимъ собственнымъ силамъ. Онъ не видитъ рядомъ съ нимъ идущаго товарища, не видитъ офицера впереди себя, ни ободряющаго его начальника; густота лѣса такова, что все исчезаетъ изъ вида.

При подобныхъ условіяхъ единство удара становится невозможнымъ, порывъ не поддерживаетъ движенія, ничто не электризуетъ, ничто не подымаетъ духа, ничто не влечетъ впередъ, какъ это обыкновенно бываетъ, когда идешь въ атаку на открытомъ мѣстѣ и на виду у всѣхъ. Здѣсь же сознаешь только трудности, которыя приходится преодолевать, и только и слышишь, что свистъ отовсюду летящихъ пуль, будучи лишень возможности отвѣчать, такъ какъ не видишь противника, который тебя поражаетъ.

Сообщилъ Б. М. Колубакинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

